

АВТОМАТ

КАЛАШНИКОВА

СИМВОЛ РОССИИ

Елизавета Михайловна Бута Автомат Калашникова.

Символ России Серия «Легенда №»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7323296

*Е.М. Бута. Автомат Калашникова. Символ России: Алгоритм; Москва;
2014*

ISBN 978-5-4438-0788-1

Аннотация

Советский конструктор стрелкового оружия М. Т. Калашников изобрел свой легендарный 7,62-мм автомат в 1947 году. В 1949-м АК-47 уже был на всех военных базах СССР. В конце XX века автомат Калашникова был занесен в Книгу рекордов Гиннеса, как самое распространенное оружие в мире. Сегодня на 60 взрослых жителей планеты приходится по одному автомату Калашникова. По социологическим опросам, первое, о чем вспоминают иностранцы, когда их спрашивают о России, – это автомат Калашникова. За полвека своей истории АК-47 стал настоящей легендой. Как создается оружие? Как автомат стал символом России? На все эти вопросы отвечает книга Е. Бута «Автомат Калашникова. Символ России». «Я никогда не

создавал оружия для убийства, я создавал оружие для защиты».
М. Калашников.

Содержание

Введение	5
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елизавета Бута

Автомат Калашникова.

Символ России

*Я первый позжму руку тому, кто сделает
автомат лучше.*

М.Т. Калашников

Введение

Самым демократичным изобретением в мире по праву можно считать автомат Калашникова – перед ним все равны. Это оружие вполне можно назвать символом России. Именно его называют иностранцы, когда им задают традиционный вопрос: «Что вы знаете о России?» Автомат называют сразу после ручных медведей. Чем объясняется такая популярность? В первую очередь простотой конструкции. Фраза М.Т. Калашникова о том, что «я служил и всегда помнил, что солдат академиев не кончает», уже давно стала крылатой.

Все началось в 1942 году, когда стало понятно, что в мире оружия наступила новая эпоха. С начала 1940-х годов весь мир начал переходить на оружие с промежуточным патроном. Название патрон получил благодаря тому, что он был промежуточным по мощности между пистолетным и винто-

вочным патроном. Такой тип патрона был известен еще с XIX века, но лишь к началу XX века стало возможным создать промежуточный патрон, который позволил бы сконструировать оружие, сочетающее в себе умеренную массу, высокую скорострельность и необходимую дальность ведения огня.

Конкурс на создание оружия под промежуточный патрон переменял все. В течение нескольких лет шло соревнование между несколькими группами оружейников. Знаменитый АК-47 на заключительном этапе конкурса имел мало общего с первоначальным проектом знаменитого конструктора М.Т. Калашникова. Конкурс длился несколько лет. Ни один из предложенных вариантов не соответствовал заявленным требованиям. Перед третьим туром конкурса М.Т. Калашников решился на беспрецедентный шаг. Количество претензий к его изобретению на тот момент превышало все разумные пределы. Сам конструктор впоследствии удивлялся тому, что он все-таки прошел в третий тур. Терять было уже нечего, и оружейник решил внести кардинальные изменения в саму компоновку автомата, что по правилам конкурса было запрещено. Риск оказался оправданным, и в 1949 году автомат Калашникова образца 1947 года был принят на вооружение советской армии. Триумфальное шествие гениального по своей простоте оружия продолжается и по сей день.

Достоинства АК-47 известны всем. В первую очередь, это высокая надежность. В конструкции автомата практи-

чески нет мелких деталей, благодаря этому его можно использовать даже в самых тяжелых, полевых условиях. Также важнейшими достоинствами автомата являются: неприхотливость к обслуживанию, простота в использовании и обслуживании, низкая стоимость в массовом производстве. Все эти достоинства сделали АК-47 идеальным боевым оружием. До сих пор ни один автомат в мире не превзошел по этим характеристикам автомат Калашникова. Именно за простоту и надежность АК-47 приняли на вооружение в сотне стран мира. Масштаб производства автоматов семейства Калашникова поражает. Если взять все автоматы Калашникова, выпущенные за всю историю этого оружия, то ими можно было бы полностью укомплектовать все армии мира. Автомат Калашникова изображен на многих гербах и флагах стран Африки (Мозамбик, Зимбабве, был в проекте герба у Буркина-Фасо).

Идеальное оружие войны стали изображать на домотканых коврах, гербах и флагах. Сегодня автомат Калашникова (вернее, его вполне рабочую подделку) во многих странах можно купить за 10–15 американских долларов. Низкая себестоимость и патологическая надежность автомата сделали его самым часто копируемым оружием. На сегодняшний день официально АК-47 производят лишь в нескольких странах, подпольные же оружейные мастерские по производству АК заполонили весь мир. Практически все группировки сомалийских пиратов, а также многие террористические

организации не только используют автомат Калашникова, но и изображают его на своих флагах и эмблемах.

Калашников Михаил Тимофеевич – великий русский оружейник. Герой России, дважды Герой Социалистического Труда, доктор технических наук

Автомат по праву можно назвать символом России. Отныне русских больше не называли ленивыми, ведь в каждой стране мира были лично знакомы только с одним русским. Он был надежен и мог работать в любых условиях. Этот русский – автомат Калашникова. В начале XXI века на 60 взрослых человек приходилось по одному автомату системы Калашникова.

Не стоит считать АК идеальным изобретением. Такого не может быть по определению. Просто за прошедшие шестьдесят с лишним лет не было придумано сколько-нибудь достойной замены легендарному автомату. Недостатки автомата, как это часто водится, вытекают из его достоинств: грубые прицельные приспособления при короткой прицельной линии, не самые удобные форма и размер приклада, неудобный переводчик-предохранитель. Впрочем все эти недостатки с лихвой окупает надежность и дешевое производство.

Слава великого оружейника Михаила Тимофеевича Калашникова росла вместе со славой своего изобретения. Многие годы секреты производства автоматов семейства Калашникова держались в секрете, а авторство изобретения не подвергалось сомнению. Смена политического курса в стране повлияла на все сферы ВПК, в том числе и на производство

оружия. Популярность автомата возросла до таких масштабов, что без таинственных мифов и легенд о его создании уже было не обойтись.

Большинству людей М.Т. Калашников казался своего рода Кулибиным, который в окопах Великой Отечественной войны взял пару железок и соорудил свой автомат. Ни воспоминания и интервью самого оружейника, ни выступления экспертов не могли переломить этот стереотип. Поэтому-то когда в 2002 году газета «Московский Комсомолец» опубликовала статью, подвергающую сомнению факт того, что автором автомата являлся М.Т. Калашников, мир взорвался негодованием. Естественно, автомат придумал не М.Т. Калашников во время своей военной службы. Авторство создания автомата принадлежит конструкторской группе оружейников во главе с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым. Естественно, оружейник учитывал все наиболее удачные автоматы своего времени, для создания своего оружия. Конечно же, М.Т. Калашников учитывал все нарекания конкурсной комиссии к своему изобретению. Иначе он просто бы не победил в конкурсе. Впрочем, когда миру хочется сенсации, все разумные доводы летят в тартарары. Тогда, в 2002 году М.Т. Калашникову пришлось выступить с публичным опровержением этой громкой статьи, но даже это не помогло. Стали появляться разнообразные гипотезы о создании АК-47. Несмотря на то, что каждая следующая гипотеза, казалась безумнее предыдущей, некоторые зерна правды в них

все же были. Подробнее о гипотезах создания автомата можно прочитать в соответствующей главе книги.

В одной из биографий М.Т. Калашникова великого оружейника называли «человеком-автоматом», что вполне оправдано. Конечно, история не имеет сослагательного наклонения, и история автомата Калашникова началась благодаря великому оружейнику, но все-таки история АК началась не с началом биографии М.Т. Калашникова. Все начиналось с Войны.

Глава 1

Фронтальная тетрадь

Из воспоминаний М.Т. Калашникова

Земля осыпалась за ворот куртки. На миг показалось, что слабое перекрытие землянки сдвинулось с места и вот-вот обрушится. Откуда-то из-за леса била тяжелая артиллерия. Несколько снарядов один за другим легли неподалеку. На письмо, которое держал в руках, упали крупные глинистые комки, а десятки мелких закрыли неровные строчки.

Хотелось выскочить из землянки, но остановил себя усилием воли и прикрыл глаза. Прошептал мысленно первые строки письма: «Здравствуй, дорогой сынок. Шлю тебе привет от себя и от всех наших родных... Тяжело, видно, тебе приходится, раз письма редко пишешь...»

Ухнул еще один близкий взрыв. Звук его прорвался сквозь лес, сквозь сетку дождя и тонкий накат землянки. Перекрытие все-таки сдвинулось с места, сверху пробилась тоненькая струйка воды.

– Командир, – услышал я голос механика-водителя. – Взводный вызывает. Срочно.

Приподняв кусок брезента, заменявшего дверь, в землянку заглянул русоволосый красноармеец. В перепачканной мазутом руке боец сжимал кусок промасленной ветоши.

– Опять, наверное, выступать, – предположил он. – Ну да ничего, наша коробка в порядке.

Подумалось: откуда только силы брались в этом худеньком вологодском пареньке. Вместе со всем экипажем он как убитый уснул, когда под утро вернулись с задания, а встать успел раньше всех и уже танк привел в надлежащий вид.

– Экипаж поднимать сейчас? – интересуюсь у механика-водителя.

– Команды такой не поступало. Тебя самого взводный требует.

И боец опустил брезент.

На улице продолжал свою монотонную песню осенний дождь, шурша в кронах деревьев. Взводного я увидел рядом с командиром роты. Он сосредоточенно слушал какие-то указания, не обращая внимания на крупные капли, то и дело прыгающие с листьев ему за воротник.

Я невольно поежился, заметив это, и бегом направился к офицерам.

– Значит, так, Калашников, через час выступаем. Надо помочь пехоте справа. Готовь экипаж и машину. В случае необходимости будь готов действовать за меня.

С командиром взвода мы еще хорошо друг друга не знали. Прибыл он к нам позавчера из танкового училища, где обучал курсантов. И сразу попал в бой. Держался уверенно. За двое суток, правда, исхудал, глаза запали.

Напитанный влагой мох под ногами хлюпал. В землянке

воздух от перепревших портянок, от сырой одежды, высыхавшей на телах, отдавал неистребимо спертым запахом. Перед тем как разбудить ребят, достал письмо, еще раз перечитал строки: «Перед войной ты, Миша, писал из Ленинграда, что какой-то там прибор сделал и на заводе его даже выпустить собирались. Так успел ли закончить-то, сынок, или изделие твое, как и многое нынче, прахом пошло?»

То, о чем напомнила мама в письме, показалось мне очень далеким, нереальным даже. И подумал я: да были ли в действительности и тот прибор, и тот завод, и та радость, которая в меня вселилась, когда в ранге ни больше, ни меньше, а конструктора прибыл я на тот ленинградский завод?

Нет, война не могла перечеркнуть то, что было до нее. Не в ее силах переписать биографию человека с чистого листа. В нашей довоенной жизни все мы готовились к часу испытаний, хотя и пробил он неожиданно и застал нас с надеждой на лучшую долю, на исполнение мирных желаний и устремлений.

До войны я действительно очень хотел, чтобы созданный мной прибор пошел в серию. И оставалось до этого счастливого момента совсем немного. Да вот раскололось небо над Ленинградом от взрывов. И готовлюсь я теперь для отражения новой атаки фашистов.

А ведь как радостно все начиналось! В мою жизнь, жизнь солдата срочной службы, совершенно неожиданно вошел генерал армии Г.К. Жуков. Как это было?

Встреча с ним произошла в 1940 году, когда генерал армии Г.К. Жуков командовал войсками Киевского Особого военного округа. Я был в ту пору механиком-водителем танка в учебном батальоне. Энергию, волю Г.К. Жукова мы почувствовали сразу, едва он в мае последнего предвоенного года вступил в должность. Пожалуй, за все время моей службы до этого (а призван я был в 1938 году) мне и моим сослуживцам не доводилось столько участвовать в учениях и полевых занятиях, сколько летом и осенью 1940 года.

Днем и ночью мы утюжили гусеницами полигон, совершали марши на большие расстояния. Наши танки находились под непрерывным боевым напряжением, и содержать их постоянно в рабочем состоянии было для нас, механиков-водителей, нелегко. Но вот что удивительно: психологические и физические нагрузки возрастали, а у нас словно второе дыхание открылось, повысился интерес к службе, к совершенствованию знаний и навыков. Видимо, немалую роль сыграло и то, что мы тогда непосредственно во взводах, в ротах осваивали боевой опыт, полученный Красной Армией в войне с Финляндией и в боях с японцами на реке Халхин-Гол. Перед нами на каждом учении и занятии ставили задачу: учиться сегодня тому, что нужно будет на войне. Обучение войск максимально приближалось к условиям реальной боевой действительности.

Георгий Константинович Жуков – советский военачальник. Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа». Министр обороны СССР (1955–1957)

И еще одна особенность приметилась летом и осенью 1940 года, как мне представляется, тоже непосредственно связанная с вступлением Г.К. Жукова в должность коман-

дующего войсками округа, — значительно активизировался творческий поиск в изобретательской и рационализаторской работе, заметно повысился интерес к ней. В нашем полку появился специальный стенд. На нем вывешивались листовки с тематикой проблем, предлагаемых для решения войсковым умельцам. Каждая тема имела практическую направленность, прежде всего на совершенствование эксплуатации и обслуживания техники и вооружения. Атмосферу творчества в нашей части всячески развивали и поддерживали командиры.

К сожалению, забылись сейчас имена тех, кто ставил нас постоянно в условия своеобразных творческих конкурсов. Память сохранила лишь отдельные эпизоды...

В один из горячих летних дней наша рота вернулась из учебного центра. Казалось, полигонная пыль въелась в броню и пропитала ее насквозь. Пришлось всем экипажам изрядно потрудиться, чтобы каждый узел, механизм блестели как новые.

Вот тогда-то командир роты, человек очень энергичный, то и дело подбрасывавший нам идея для поиска, велел мне выйти из строя и задержаться. По-отечески взяв меня под руку, он спросил:

— Ты, Миша, не подходил к стенду, где объявления висят? Посмотри обязательно, что там написано. Нашим умельцам предлагают включиться в конкурс на создание одного интересного прибора, так необходимого нам, танкистам. Я ду-

маю, это тебя заинтересует. Да и опыт у тебя уже есть...

Надо отдать должное нашему ротному – он хорошо знал индивидуальные особенности каждого из нас, умел заглянуть в душу, понимал, какую струнку в ней затронуть. Мою тягу к «железкам», стремление покопаться в них, мои робкие попытки что-то конструировать он разглядел быстро. Не успел я прийти в роту, как командир буквально на ходу включил меня в проводившийся в части конкурс на создание инерционного счетчика для учета фактического количества выстрелов из пушки. Не вдаваясь в подробности, скажу, что этот прибор ставил заслон упрощением и послаблениям при ведении огня танкистами на учениях и занятиях.

В моем архиве каким-то чудом сохранился любопытный документ почти пятидесятилетней давности – отзыв специалистов на созданный мною прибор: «Счетчик прост в изготовлении и безотказен в работе». Это было, видимо, первое официальное признание моей едва наметившейся конструкторской деятельности: Я с благодарностью вспоминаю своего первого командира роты, сумевшего увидеть в угловатом, худеньком красноармейце, «вечно предпоследнем», как называл меня старшина роты за мое место в строю, наклонности к техническому творчеству. И не просто увидеть, но и создать условия для их развития.

Я сейчас часто думаю: откуда только бралось время для работы над созданием приборов, различных приспособлений, если сутки были до предела насыщены занятиями, уче-

ниями, обслуживанием техники – словом, всем тем, что называется боевой подготовкой и является главным, определяющим в жизни военного человека, будь он солдат или генерал. И понимаю теперь: у нашего командира роты, у командования части был истинно государственный взгляд на техническое творчество личного состава, как на один из важнейших факторов повышения боевой готовности. Да, со временем было трудно. Сутки не растянешь. Но для нас выкраивали «окна» в распорядке дня, давали дополнительную возможность поколдовать в мастерской, чтобы мы могли воплощать свои задумки в практические дела, в конкретные счетчики, различные приспособления.

До создания инерционного счетчика на моем счету уже было несколько рационализаторских предложений. Одно из них позволило с помощью специально изготовленного приспособления повысить эффективность стрельбы пистолета ТТ (тульского Токарева) непосредственно из башни танка. Пистолет как личное оружие тогда только поступил на вооружение танкистов. Однако ведение огня через специальные щели в башне танка давало малый эффект. Да и магазин пистолета оказался небольшой емкости.

Взявшись за устранение некоторых недостатков пистолета ТТ, связанных с применением его в бою, я никак не мог предполагать, что создание и совершенствование стрелкового оружия через несколько лет станет делом всей моей жизни. Все мои последующие конструкторские разработки, если

их можно так назвать, довоенной поры были связаны непосредственно с танковой техникой.

Тему моей следующей работы я опять почерпнул из листовки, помещенной на стенде. На желтоватой бумаге было отпечатано несколько проблемных вопросов, адресованных войсковым изобретателям и рационализаторам. Мое внимание особо привлек один из них: в ходе конкурса предлагалось разработать прибор для фиксирования работы танкового двигателя под нагрузкой и на холостом ходу. Крупно выделялись слова: «Создание такого прибора имеет для танкистов важное практическое значение».

Это современный танк до предела начинен электроникой. Работу всех его агрегатов, узлов и механизмов чутко фиксируют десятки совершенных приборов. А тогда, полвека назад, многое приходилось дорабатывать, делать не в конструкторских бюро, а непосредственно в войсках. И нередко идея, предложение, разработка рядового механика-водителя позволяли вносить существенные конструкторские доработки в тот или иной узел, создавать непосредственно в частях новые приборы, значительно повышавшие качество эксплуатации техники.

Наверное, с той довоенной поры, когда сам по мере сил и возможностей вносил предложения в совершенствование конструкций техники, я и следую святому для себя правилу: советоваться с теми, кто выходит на рубеж открытия огня с оружием, созданным в нашем конструкторском бюро.

Я часто бываю в войсках, стараюсь узнать мнение солдат и офицеров. У меня хранятся сотни отзывов, писем об оружии системы Калашникова. Многие из них становились основой для доработки тех или иных частей автоматов и пулеметов.

Возвращаясь вновь в 1940 год, скажу, что идея создания прибора захватила меня. И уже не покидала мысль: «Как подобраться к практическому воплощению ее в жизнь?» За основу решил взять принцип тахометра, который фиксировал число оборотов коленчатого вала, характеризуя работу двигателя на разных режимах. В ученической тетради обозначил в эскизном наброске контуры будущего счетчика моторесурса. Но где брать материал для его изготовления, на какой базе мастерить, как выкраивать время для работы над ним?

И вновь на помощь пришел командир роты. Он дал мне возможность в часы самоподготовки заниматься расчетами, вывел на полковую приборную мастерскую, где я пропадал в свободное после ужина время. Не буду вдаваться в детали работы над прибором. Замечу лишь, что она заняла несколько месяцев.

Не знаю, кто больше радовался, я или командир роты, когда я доложил ему об этом и попросил разрешения испытать прибор на своем танке. Установили счетчик быстро. Признаться, не было предела нашему изумлению, когда мы убедились, что прибор уверенно действует и точно фиксирует работу двигателя под нагрузкой и на холостом ходу.

– Поздравляю, – энергично пожал мне руку командир роты, едва мы покинули машину, и добавил: – Сегодня же доложу о твоём успехе командиру полка. Он ведь тоже следил за твоим поиском.

Командир полка лично проверил счетчик в действии, подробно расспросил, как я его создавал. Это было внимание глубоко заинтересованного человека. Он хорошо понимал: творчество механика-водителя способствует решению важной задачи – повышению надежности эксплуатации танковой техники.

Было решено направить прибор на суд окружных специалистов. Командир полка распорядился командировать в штаб округа и меня. Думал ли я, уезжая в Киев, что расстаюсь с родной частью навсегда? Нет, конечно. Рассчитывал вернуться через несколько дней обратно. Знал: роте, полку предстояло участвовать в крупных учениях. К ним готовились. Но учения состоялись без меня. О приборе доложили генералу армии Г.К. Жукову. Он дал команду, чтобы создатель счетчика прибыл к нему.

Не без робости входил я в кабинет прославленного генерала, героя боев на реке Халхин-Гол. Когда докладывал о своем прибытии, голос мой срывался. И видимо заметив мое состояние, Георгий Константинович улыбнулся. Исчезла суровость с его широкого лица, подобрел взгляд строгих глаз.

Командующий был не один. В кабинете находилось несколько генералов и офицеров. Все они внимательно зна-

комились с чертежами и самим прибором.

– Хотелось бы послушать вас, товарищ Калашников, – неожиданно повернулся ко мне Г.К. Жуков. – Расскажите нам о принципе действия счетчика и о его назначении.

Так впервые в жизни довелось докладывать столь представительной комиссии о своем изобретении, откровенно говорить о его сильных и слабых сторонах. Много раз за последующие пятьдесят лет конструкторской деятельности приходилось мне защищать созданные образцы, отстаивать свои позиции, драться за воплощение конструкторских идей в жизнь, иногда быть и битым. А этот первый доклад, сбивчивый от волнения, не совсем связанный логически, врезался в память на всю жизнь.

Когда я закончил объяснение, командующий подчеркнул, что прибор оригинален по конструкции и, несомненно, позволит с большей точностью контролировать моторесурс танковых двигателей. А это в свою очередь поднимет культуру эксплуатации техники, даст возможность эффективнее вести борьбу за экономию горючего и смазочных материалов. Что и говорить, оценка была высокой.

После беседы с командующим меня направили в Киевское танковое техническое училище. В мастерских училища предстояло изготовить два опытных образца прибора и подвергнуть их всестороннему испытанию на боевых машинах. В короткий срок задание было выполнено.

Танкист Михаил Калашников на учебных стрельбах.
1940 г.

И вновь встреча с генералом армии Г.К. Жуковым, уже после завершения испытаний. По времени она была гораздо короче первой. Командующий поблагодарил меня за творческую инициативу и объявил о награждении ценным подарком – часами. Тут же отдал распоряжение командировать красноармейца Калашникова в Москву. Мне предписывалось убыть в одну из частей Московского военного округа, на базе которой проводились сравнительные испытания прибора.

Не сохранились у меня часы, врученные Г.К. Жуковым.

Но однажды напомнил мне о тех незабываемых днях конца 1940 года своим письмом военный журналист Анатолий Михайлович Киселев, Работая в архиве, он обнаружил экземпляр окружной военной газеты «Красная Армия», где рассказывалось о приеме командующим войсками округа красноармейца Калашникова.

С того момента в моей судьбе наметились крупные перемены; я, солдат срочной службы, незадолго до начала войны встал на нелегкий путь конструирования. Прибор, представленный мною для сравнительных полевых испытаний, выдержал их с честью, достойно прошел сквозь сито оценок придирчивых военных специалистов и был рекомендован для серийного производства.

И я не вернулся не только в часть, но и в свой округ. Распоряжением начальника Главного бронетанкового управления РККА меня командировали на один из ленинградских заводов, где счетчик после отработки рабочих чертежей предстояло запустить в серию. Шла весна 1941 года... Ленинград. Впервые в жизни прохожу через проходную на территорию завода и не могу представить, что на этом гиганте будут осваивать производство моего небольшого прибора. По-уставному докладываю главному инженеру о своем прибытии. Он, приветливо улыбаясь, говорит:

– А мы вас ждали. Нам сообщили, что вы приедете. – И повернулся к человеку с копной седеющих непослушных волос. – Знакомьтесь: это главный конструктор завода товарищ

Гинзбург. Держите с ним тесный контакт. Желаю удачи.

Деловой и доброжелательный тон, разговор на равных с двадцатилетним красноармейцем, сделавшим всего лишь маленький шаг в конструировании, уважительное, товарищеское отношение – все это я почувствовал сразу, едва окунулся в атмосферу конструкторского бюро и цехов. Здесь я, пожалуй, впервые по-настоящему познал, что такое конструкторская доводка образца в профессиональном заводском КБ, сколько терпения, коллективных усилий надо, чтобы запустить изделие в серию. Конструкторы, технологи, рабочие – каждый вносил частичку своей души, своих знаний и навыков в мое такое еще несовершенное творение. И как важно, чтобы сохранялась обратная связь, чтобы инженеры, рабочие чувствовали: конструктор искренне ценит их труд.

Особое состояние я испытывал в опытном цехе, где началось изготовление отдельных деталей прибора. Любил наблюдать, как они одна за одной поступали на сборку, пройдя тщательный контроль. Вспоминал свой первый образец, созданный в мастерской полка из отслуживших свой срок деталей, вручную, где каждый размер делался, можно сказать, на глазок. Я был бесконечно благодарен военному инженеру Горностаеву, помогавшему мне в части выполнить чертежи, горячо поддерживавшему меня.

Вот уже опытный образец успешно выдержал лабораторные испытания в заводских условиях. В Главное бронетанковое управление РККЛ отправили документ, подписанный

главным конструктором завода, где отмечалось, что по сравнению с существующими приборами этот проще по конструкции, надежнее в работе, легче по весу и меньше по габаритам. Завершался документ таким заключением:

«Основываясь на простоте конструкции предложенного т. Калашниковым прибора и на положительных результатах лабораторных испытаний, завод в июле месяце с. г. отработает рабочие чертежи и изготовит образец для окончательных всесторонних испытаний его с целью внедрения на спецмашины».

К сожалению, всесторонние испытания не состоялись. Документ был датирован 24 июня 1941 года – спустя два дня после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война.

Через несколько дней я прощался с заводом, с рабочими и инженерами, ставшими для меня близкими за время напряженной совместной работы. На всю жизнь запомнил слова главного конструктора, обнявшего меня на прощание:

– Воюйте хорошо, молодой друг, И пусть вас никогда не покидает вера в силы тех, кто остался здесь. А прибор ваш мы доведем обязательно, только позже, после победу над врагом...

Он, как и подавляющее большинство из нас был убежден в скором разгроме захватчиков. Верил в это и я, уезжая в поезде на юг с надеждой попасть в свою часть. Только как это сделать? По сводкам Совинформбюро было уже извест-

но: город Стрый на Западной Украине, где дислоцировалась часть, оставлен нашими войсками.

И произошел на пути моего следования, надо сказать, удивительный случай. Где-то на подъезде к Харькову наш поезд остановился на одной из станций. После проверки документов мы, несколько человек, вышли на платформу. Проводник предупредил, чтобы мы глядели в оба и не отстали.

На перроне скопилось много военных. Шла посадка в вагоны. Все спешили поскорее занять места, говорили громко, нередко что-то кричали друг другу. И тут я вдруг услышал знакомый голос. Не успев подумать, откуда ему взяться, увидел на соседнем пути грузовой состав, на открытых платформах которого сквозь брезент просматривалась танковая техника. На одной из них стоял крепыш старшина сверхсрочной службы – наш командир танка, любивший слушать бой часов с луковицу величиной, доставшихся ему от деда – солдата первой мировой войны.

Я окликнул его и тут же бросился к платформе. Мы крепко обнялись. Ошеломленные неожиданной встречей, какое-то время не могли прийти в себя, лишь хлопали друг друга по плечам. Оказалось, механики-водители части незадолго до войны выехали на Урал для получения новой техники. Поскольку в нашем экипаже на место механика-водителя никого не назначили, ожидая моего возвращения, то отправили на завод командира танка.

Война застала однополчан в дороге. И вот на неболь-

шой станции под Харьковом им предстояло влиться в новую часть, которая здесь формировалась. Пока я обнимался со знакомыми сослуживцами, мой поезд отошел от перрона, а в вагоне остались шинель и чемодан. Однако горевал я недолго. Документы – при мне. Рядом – боевые товарищи.

При формировании экипажей меня назначили командиром танка, приказом по части присвоили звание старшего сержанта. В моей биографии начиналась новая страница – фронтовая.

Сейчас трудно припомнить каждый боевой эпизод. Начальный период войны, как известно, для советских войск складывался неблагоприятно, нередко трагично. Наш батальон воевал порой даже непонятно где: то ли в тылу врага, то ли на передовой. Бесконечные марши, удары во фланг, короткие, но ожесточенные атаки, выходы к своим. Бросали нас преимущественно туда, где туго приходилось пехоте.

Многое в те тяжелые дни зависело от умения, выдержки, тактической сметки командиров. Подавая личный пример мужества в атаке, стойкости в обороне, они спланивали нас на решительные действия. Будто вновь слышу голос командира роты:

– Калашников, остаешься за командира взвода. Будем прикрывать правый фланг стрелкового полка. Внимательно следи за моей машиной...

Было это в сентябре 1941 года, еще на дальних подступах к Брянску. Рота вышла на опушку леса. Земля исполосована

рубцами гусениц. Эти следы оставили мы, танкисты, утром, участвуя в контратаке. Бой был коротким. Командир умело маневрировал огнем и машинами. Благодаря этому удалось быстро отсечь вражескую пехоту от танков, поджечь несколько машин противника.

И вот фашисты днем снова предприняли атаку на господствующую высоту: восемь танков неторопливо двигались на позиции нашей пехоты. Находясь в танковой засаде, мы выжидали, стараясь не обнаружить себя. Вражеские бронированные машины накатывались волной. Казалось, еще немного — и они достигнут вершины высоты. Мой механик-водитель не выдержал, по внутренней связи выдохнул:

— Что мы стоим, командир? Сомнут же пехоту...

И тут поступила команда: зайти фашистским танкам в тыл. Стремительный рывок из засады, залповый огонь из пушек — и несколько немецких машин загорелось. Вражеская пехота, не успев отойти, погибла под пулеметным огнем. Мы убедились, насколько расчетливо поступил командир роты, не рванувшись раньше времени в бой.

Я старался не упустить из виду танк командира роты. А он неожиданно круто развернулся назад. Сделал это командир решительно, быстро, уверенно. Очевидно, заметил, что фашисты бросили в бой еще одну группу танков, пытаясь ударить нам во фланг и тыл.

Снаряды уже ложились рядом с нашими машинами, когда мы повторили тактический прием командира роты: вслед за

ним мы на скорости скатились назад и скрылись в ложбине за высотой. Командир роты не только увел нас из-под огня противника, но и сумел вывести наши машины во фланг вражеским танкам. Получилась своеобразная карусель, в которой максимальные потери несли фашисты: их танки, то и дело вспыхивая чадными кострами, выходили из боя один за другим.

Но так было не всегда. Случались и обидные поражения, и горькие потери. Мы теряли товарищей, командиров, экипажи пополнялись новыми людьми. Словно в калейдоскопе, менялись лица, имена...

В один из сентябрьских дней мы получили приказ занять исходный рубеж в густой роще, хорошенько замаскироваться и быть в готовности к контратаке. Когда все работы по маскировке закончили, я решил проверить, как подготовлен к бою пулемет ДТ (Дегтярева танковый). Не обратив внимания, что подвижные части пулемета находились на боевом взводе, вытащил соединительный винт, и... тут началась самопроизвольная стрельба. Она могла бы дорого обойтись экипажу, и в первую очередь его командиру, если бы нас не прикрыли своим огнем от появившихся фашистов соседи.

Первое, что шокировало немцев в войне с СССР, – это советские танки, противостоять которым, казалось, просто невозможно

К сожалению, воевать мне довелось недолго. В начале октября 1941 года под Брянском я был тяжело ранен и контужен. Случилось это в одной из многочисленных контратак, когда наша рота, заходя во фланг противнику, нарвалась на вражескую артиллерийскую батарею. Первым загорелся танк командира роты. Потом вдруг гулкое эхо ударило мне в уши, на мгновение в глазах вспыхнул необычайно яркий свет...

Сколько находился без сознания, не знаю. Наверное, до-

вольно продолжительное время, потому что очнулся, когда рота уже вышла из боя. Кто-то пытался расстегнуть на мне комбинезон. Левое плечо, рука казались чужими. Как сквозь сон, услышал:

– Чудом уцелел парень.

Плечо было контужено и прошито насквозь осколком. Командир батальона дал команду отправить меня вместе с другими тяжелоранеными в медсанбат. Но где он, этот медсанбат, если мы сами уже оказались, по сути дела, в тылу врага. Я пытался отказаться от отправки – не вышло.

Семь дней выходили мы с занятой фашистскими оккупантами территории. Поначалу нас, человек двенадцать раненых, везли на полуторке. С нами были военврач и медсестра. Мне запомнилось лишь имя водителя – Коля. Видимо, потому, что он был нашей надеждой во время пути. Ведь большинство из нас не могли самостоятельно передвигаться.

Как-то в сумерки при подъезде к одной из деревень военврач распорядился остановить полуторку. Решил узнать, нет ли в селении фашистов. В разведку послал шофера Колю, лейтенанта с обожженными руками и меня – тех, кто мог ходить. Вооружения на всех – пистолет да винтовка.

Поначалу все было спокойно. Деревня словно вымерла. Потемневшие избы выглядели неуютно. В каждой из них чудилась опасность. И действительно, неожиданно вдоль улицы в нашу сторону полоснула автоматная очередь. Мы прижались к земле, стали отползать назад, к лесу, огородами,

через картофельное, поле. Одна мысль владела нами: успеть предупредить товарищей.

Вдруг с той стороны, где осталась машина, мы услышали звуки выстрелов. Помню, лейтенант, скрипя зубами, прошептал: «Из «шмайсеров» лупят, сволочи. А нам хоть бы парочку автоматов...»

Здоровой правой рукой я изготовил к стрельбе пистолет. Через кустарник, пригнувшись, мы бежали к месту боя.

Впрочем, это был не бой. Фашисты просто расстреляли из автоматов безоружных людей. И нас троих ждала бы та же участь, не прикажи военврач разведать деревню.

Когда мы прибежали, все уже было кончено. Нашим глазам открылась страшная картина хладнокровного варварского убийства. Мы плакали от бессилия. Нам хотелось ринуться вслед за врагом и стрелять, стрелять в него. Но что мы могли сделать против автоматов и пулеметов? Первым это понял лейтенант. Решили самостоятельно пробиваться через линию фронта к своим.

Двигались только ночью. Иногда от разрывающей боли в плече я впадал в забытие. Не легче было и лейтенанту. Не знаю, что могло бы случиться, если бы рядом с нами не находился шофер Коля. Не сохранила память, к сожалению, его фамилии. Осталась лишь глубокая благодарность к человеку, верному войсковому товариществу, святой солдатской заповеди – сам погибай, а товарища выручай.

Мы старались обходить стороной каждый населенный

пункт, Понимали: фронт недалеко, в деревнях могут находиться вражеские подразделения. Наши раны гноились. Бинты засохли от крови и почернели от грязи. Не было еды. Лейтенант и я слабели с каждым часом.

Конечно, сейчас трудно сказать, сумели бы мы пробиться к своим, если бы не помощь наших советских людей, в силу обстоятельств оставшихся на оккупированной территории. Одни не смогли вовремя уйти, другие не захотели отрываться от родного очага и родительских могил. Нам троим помогли именно они, честные, глубоко верившие в нашу победу люди.

На одной из днейков Коля увидел пожилого крестьянина, шедшего кромкой леса. Он переговорил с ним, спросил, нет ли поблизости фельдшера, где находится враг. Крестьянин вывел нас на лесную, густо заросшую травой дорогу, по которой давно никто не ездил. Он объяснил, как добраться до села, где жил, по его словам, «очень хороший, душевный лекарь». Пройти предстояло километров пятнадцать. Мы поблагодарили отзывчивого человека за поддержку и стали ждать наступления темноты.

Шли по извилистой, ухабистой дороге всю ночь. На рассвете, обессиленные, добрались до села. Во второй половине дня, убедившись, что гитлеровцев там нет, двинулись к окoliце. Мы с лейтенантом остались в зарослях кустарника, а Коля пошел к дому фельдшера.

Ожидать возвращения шофера пришлось довольно долго.

Но вот раздался короткий условный свист. Мы ответили своим установленным сигналом. Через пару минут к нам вышел Коля. В руках – сверток с едой. В пожелтевшей газете оказались завернутыми полбуханки домашнего хлеба, несколько вареных картофелин, яблоки, щепотка соли. Целое богатство!

Николай Иванович (так звали фельдшера, передавшего нам еду) сказал, что с наступлением темноты прямо в доме осмотрит раненых, и посоветовал проявлять максимум осторожности. Коле он рассказал, что трое его сыновей сражаются в рядах Красной Армии.

Через несколько часов мы были в комнате с плотно занавешенными окнами. Николай Иванович тщательно обработал наши раны, перевязал и твердо сказал:

– Прописываю вам постельный режим на трое суток как минимум, если хотите выйти к нашим окрепшими и еще повоевать. Ну а теперь извольте в «палату», – и проводил нас на сеновал.

Фельдшер заходил к нам только поздно вечером. Приносил еду, информировал об обстановке в селе. На третьи сутки под покровом ночи он вывел нас за околицу, пожелал доброго пути, и возвращения в родные части. Так мы расстались с человеком, по сути дела мало знакомым, но близким нам по духу, вере в победу. Он сделал все, что мог, чтобы мы вернулись в строй.

Не буду описывать лишения, выпавшие на нашу долю, по-

ка мы добирались до своих. Забота, волшебные руки сельского медика Николая Ивановича сделали главное – помогли нам с лейтенантом выдержать путь до конца. Недалеко от города Трубчевска, буквально ваясь с ног от усталости, мы вышли к одной из наших частей. Какое же это было счастье – вновь оказаться среди таких же, как ты, советских бойцов!

После недолгой соответствующей проверки меня с лейтенантом тут же отправили в госпиталь, а шофера Колю зачислили в часть. Расставались мы с ним со слезами на глазах. Пережитое нами за семь суток по-настоящему сблизило нас. Не знаю, как сложилась судьба этих двух сильных духом людей. Может, погибли в боях за Родину, может, дошли до Берлина, стали свидетелями салюта Победы. Я же в своем сердце храню тепло их товарищеского участия, надежного плеча.

Не думал только, что мое ранение, контузия выведут меня из строя на продолжительное время. Врач после очередного осмотра обычно качал головой и произносил:

– Как же вас угораздило так запустить рану? Придется вам, молодой человек, задержаться для лечения.

В госпитале я как бы заново переживал все, что произошло за месяцы участия в боях. Вновь и вновь возвращался к трагическим дням выхода из окружения. Перед глазами вставали погибшие товарищи. Ночью, во сне, нередко чудились автоматные очереди, и я просыпался. В палате была тишина, прерываемая лишь стонами раненых. Лежал с открытыми глазами и думал: почему у нас в армии так мало авто-

матического оружия, легкого, скорострельного, безотказного?

Хотя нам, танкистам, не полагалось иметь на вооружении личного состава ППД (7,62-мм пистолет-пулемет системы Дегтярева), держать его в руках, разбирать и собирать мне доводилось. Знал я и о том, что пистолет-пулемет системы Дегтярева широко и успешно применялся в период советско-финляндской войны. По эффективности огня в ближнем бою его трудно было сравнить с какими-то иными образцами оружия. Он удачно сочетал в себе легкость и портативность с непрерывностью пулеметного огня, что и определило его наименование.

Выдающийся русский и советский оружейник В.Г. Федоров в книге «Эволюция стрелкового оружия» в 1939 году писал:

«Пистолеты-пулеметы являются оружием сравнительно молодым, выдвинутым опытом мировой войны, причем еще до настоящего времени не везде усвоена мысль о той громадной будущности, какую со временем будет иметь это чрезвычайно мощное, сравнительно легкое и в то же время простое по своей конструкции оружие при условии его некоторых усовершенствований... В пистолетах-пулеметах блестяще разрешена задача дать пулеметный огонь при боевых столкновениях на близких расстояниях, когда в более сильных винтовочных патронах нет никакой необходимости...»

Генералу В.Г. Федорову надо было обладать известной

смелостью, чтобы в то время опубликовать эти строки. Мне, красноармейцу, конечно же неведомо было тогда, какая борьба шла на верхних «этажах» нашего военного руководства за признание пистолета-пулемета, за его будущее. Ведь среди его противников находился такой в те годы влиятельный человек, как заместитель наркома обороны Г.И. Кулик, возглавлявший до войны Главное артиллерийское управление, непосредственно ведавшее вопросами разработки современного вооружения и техники и оснащения ими Красной армии.

Откуда я, раненый боец, мог знать, что в феврале 1939 года пистолет-пулемет системы Дегтярева вообще был снят с производства и вооружения, изъят из войск и сдан на хранение на склады? Уже позже, из книги выдающегося авиаконструктора А.С. Яковлева «Цель жизни», я узнал, насколько остро ставился вопрос о судьбе пистолета-пулемета, какую инертность, а то и просто негативное отношение к нему проявляли некоторые руководящие работники Наркомата обороны.

Выздоровливающие красноармейцы и медицинский персонал в полевом госпитале в годы Великой Отечественной войны

Когда сняли с вооружения пистолет-пулемет Дегтярева, Красная армия осталась не только без этого важного вида оружия, но и лишилась возможности ознакомления с ним, изучения его тактических характеристик, свойств, особенностей применения в бою. И все-таки за то, чтобы пистолеты-пулеметы заняли достойное место в системе вооружения войск, продолжали бороться, несмотря ни на что, конструкторы В.Г. Федоров, В.А. Дегтярев, Г.С. Шпагин. Внимательно следя за развитием иностранной техники, они хо-

рошо знали, что на вооружение иностранных армий, особенно немецко-фашистской Германии, все больше поступает пистолетов-пулеметов, совершенного автоматического оружия. Отставать нам было нельзя. Конструкторы последовательно и принципиально отстаивали свои убеждения. В частности, В.А. Дегтярев обратился в Наркоматы вооружения и обороны, настаивая на возобновлении изготовления ППД и наращивании мощностей его производства.

Окончательно решила судьбу пистолета-пулемета начавшаяся советско-финляндская война. Оказалось, что в условиях лесистой и пересеченной местности пистолет-пулемет – достаточно мощное и эффективное огневое средство ближнего боя. К тому же противник, используя находившийся у него на вооружении пистолет-пулемет «Суоми», наносил ощутимый урон советским подразделениям в ближнем бою, особенно при действиях на лыжах. В конце 1939 года по указанию Главного военного совета началось развертывание массового производства ППД, а 6 января 1940 года Комитет Обороны принял постановление о принятии его на вооружение РККА.

В.А. Дегтярев вносит в свою систему ряд различных конструктивных доработок, чтобы максимально сократить время, необходимое для изготовления ППД в заводских условиях. Не стану их перечислять. Скажу лишь, что он стал технологичнее в изготовлении, проще, легче. Увеличилась и скорострельность ППД за счет создания магазина большей ем-

кости.

Опыт применения ППД в боях на Карельском перешейке дал положительный результат. Сразу несколько конструкторов приступили тогда к созданию своих образцов, среди них Георгий Семенович Шпагин, талантливый ученик и соратник В.Г. Федорова и В.А. Дегтярева.

«С самого начала, – вспоминал он позже, – я поставил перед собой цель, чтобы новое автоматическое оружие было предельно простым и несложным в производстве. Если по-настоящему вооружать огромную Красную Армию автоматами, подумал я, и попытаться это сделать на базе принятой раньше сложной и трудоемкой технологии, то какой же неимоверный парк станков надо загрузить, какую огромную массу людей надо поставить к этим станкам. Так я пришел к мысли о штамповочной конструкции. Надо сказать правду, даже знатоки оружейного производства не верили в возможность создания штамповочного автомата... Но я был убежден, что мысль моя правильная».

При наших встречах уже в послевоенное время Георгий Семенович не раз говорил, как пришлось ему торопиться с созданием ППШ в остром, бескомпромиссном соревновании с другими конструкторами, в частности с Б.Г. Шпитальным. И вот через полгода после начала работы конструктора пистолет-пулемет был подвергнут широким заводским испытаниям, а еще через два месяца – полигонным. 21 декабря 1940 года появилось постановление Комитета Обороны о

принятии на вооружение Красной армии пистолета-пулемета Шпагина (ППШ). Но родился он всего за полгода до начала войны.

Вот почему в первых боях с немецко-фашистскими захватчиками войска Красной Армии испытывали острый недостаток в пистолетах-пулеметах. Но мне, рядовому бойцу, как и многим другим солдатам Великой Отечественной, тогда, конечно же, все это было неизвестно. Я думал, что у нас, кроме В.А. Дегтярева, просто не нашлось конструктора, который сделал бы пистолет-пулемет легким по весу, небольшим по габаритам, надежным, безотказным в работе. Кстати, и ППД мне казался все-таки далеким от совершенства.

Обо всем этом размышлял, просыпаясь по ночам, пытаюсь представить: а какой бы я сам сделал пистолет-пулемет? Утром вытаскивал из тумбочки тетрадку, делал наброски, чертежи. Потом неоднократно, их переделывал. Я заболел по-настоящему идеей создания автоматического оружия, загорелся ею. Мысль о создании своего образца преследовала меня неотвязно.

Однако постоянно чувствовал, как мне не хватает знаний. Понимал: если при изобретении и создании счетчика моторесурса мне было достаточно природной интуиции, знаний, полученных за девять лет учебы в школе, опыта, приобретенного за время службы в армии механиком-водителем, то создание оружия требовало знаний намного больше. Так где

же их взять, если прикован к госпитальной палате, если ноющая, тяжелая боль наполняет плечо и все тело и не дает ни читать, ни писать? Хочется лишь баюкать немеющую руку.

И все-таки старался пересилить себя. В госпитале была неплохая библиотека. Там нашел несколько интересных книг. Среди них два тома «Эволюции стрелкового оружия» профессора оружейника В.Г. Федорова, изданных Артиллерийской академией, наставления по трехлинейной винтовке, ручному пулемету Дегтярева, револьверу наган. Читал, сопоставлял, анализировал, чертил.

В палате у нас лежали и танкисты, и пехотинцы, и артиллеристы, и саперы. Нередко вспыхивали споры о преимуществах и недостатках, сильных и слабых сторонах того или иного вида оружия. Участвовал в этих спорах я мало, но определенное впечатление от них оставалось. С особенным интересом слушал тех, кто сам ходил с пистолетом-пулеметом в атаку, сдерживал яростный натиск врага на свой окоп. Они убедительнее всего могли рассказать, каково оно, это автоматическое оружие, в действии, в ближнем бою. В моей заветной тетрадке после таких споров появлялись новые наброски. Размышляя о взаимодействии частей оружия, вновь обращался к книгам, наставлениям. Составил для себя сводную таблицу различных образцов автоматического оружия, проследил историю их появления и создания, сравнил тактико-технические характеристики.

И тут мне очень помог во многом разобраться лейте-

нант-десантник, до войны работавший в каком-то научно-исследовательском институте. Обычно молчаливый, редко вступавший в споры, он тем не менее внимательно вслушивался в горячие, порой запальчивые слова раненых. Включался в разговор лишь тогда, когда слишком разгорались страсти.

– По правде говоря, считаю, в пистолете-пулемете – вся сила пехотинца, с ним в бою надежнее себя чувствуешь, – сказал как-то разведчик с соседней койки.

– Тоже мне сила – этот твой пистолет-пулемет. Возьми прицельную дальность стрельбы. Разве с винтовкой может сравниться? Мосинская-то, например, до двух тысяч берет, а самозарядка токаревская – до полутора. Ну а ППД? До пятисот метров едва дотягивает, – горячился сапер, лежавший у окна.

– Эх ты, мотыль саперный, – досадливо произнес разведчик. – Знал бы ты, как нас в финскую из своих «Суоми» финны в ближнем бою косили. Затаятся в лесу, засядут на деревьях, подпустят поближе – и очередями. Что тут сделаешь со своей винтовкой. Один-два выстрела, а тебя в это время автоматическим огнем и польют.

– Так разворотливей надо быть, – не отступал от своего сапер.

– Я хотел бы посмотреть, как ты развернешься между деревьями или в окопе с оружием, которое вместе со штыком более полутора метров длины имеет. Тебя уже к этому мо-

менту несколько раз очередь прошьют. Какое облегчение настало, когда у нас в части стали заменять винтовки на дегтяревские ППД. Первыми обладателями их разведчики стали. Вот уж тут-то мы финнам и показали кузькину мать. Против ихнего «Суоми» наше оружие куда как лучше по всем статьям.

– А небольшая прицельная дальность, а плохая кучность боя – ты об этом-то забыл опять, – не унимался сапер. У него, видно, в крови сидело – противоречить, свое доказывать, наперекор суждению другого идти.

– А вы знаете, что значит в переводе с латинского слово «автомат»? – негромко проговорил лейтенант. Все замолчали, ожидая продолжения фразы. – Сам действует. Нажал – и работает, пока не остановишь. Так вот, основное достоинство пистолета-пулемета в том, что он действует в автоматическом режиме, у него высокий темп стрельбы, он легкий и удобен в обращении. Думаю, что за таким скорострельным автоматическим оружием – будущее.

– И что, действительно наше оружие лучше, чем у противника? Как тут сравнить, если в частях в большинстве своем винтовки? – спросил артиллерист, до того не принимавший участия в разговоре,

– Сравнить можно только в бою. Но можете поверить на слово, наши ППД и пистолет-пулемет системы Шпагина (ППШ) солидно превосходят автоматическое оружие противника. Перед тем как меня ранило, я сменил ППД на

ППШ. Хорошо знаю достоинства и того и другого. Прав разведчик – чем больше у нас будет в войсках автоматического оружия, тем меньше мы сами станем нести потерь.

Лейтенант протянул руку к моей кровати, взял с одеяла листочек бумаги, на котором я делал очередной набросок, карандаш и стал что-то быстро писать.

– Сравнить хочу. Мне ведь довелось держать в руках и финский пистолет-пулемет «Суоми» М-31, и немецкий МП-38, почему-то называемый у нас «шмайсером». К вашему сведению, конструктор Шмайсер к этому образцу отношения не имеет. МП-38, как и его собрат МП-40, создан фирмой «Эрма» и первоначально предназначался для парашютистов.

Чувствовалось, что десантник хорошо знал системы стрелкового оружия, был достаточно осведомлен в истории их создания. Все в палате с интересом слушали лейтенанта.

Пистолет-пулемет Дегтярева ППД-34

ППШ ранних выпусков с дисковым магазином на 71 патрон и секторным прицелом с десятью делениями для стрельбы на дистанцию от 50 до 500 м

– Так вот, дегтяревский пистолет-пулемет, как и шпагинский, почти на два килограмма легче, почти на сто миллиметров короче, чем «Суоми». А это немаловажно, как понимаете. Гораздо выше у наших пистолетов-пулеметов и боевые свойства. Из МП-38, например, огонь можно вести только непрерывный, а у наших образцов есть переводчик на одиночную стрельбу. Посмотрите, я тут маленькую сравнительную табличку на бросал на бумаге для наглядности.

Листочек пошел по рукам. Особенно внимательно разглядывал колонки цифр сапер, то и дело покачивая головой, словно не веря своим глазам. Его, видимо, заинтриговали слова, аргументы лейтенанта-десантника, и он недоверчиво поинтересовался:

– Так, значит, мы еще до войны впереди наших противников шагали в создании автоматов разных? Тогда возникает вопрос: почему их столь мало в наших частях оказалось,

может, вредительство какое тому причина?

– Впереди иностранных конструкторов мы шли – это точно. А что касается вопроса «Почему мало автоматического оружия в войсках?» – однозначно тут и не ответишь. Мое мнение, например, такое: в царское время те, кто был облечен властью, не очень верили в творческий потенциал русских конструкторов, в будущее этого оружия, иностранные образцы казались им лучше. В наше, советское, время, считаю, недооценили работу таких конструкторов, как Федоров, Дегтярев, Симонов, их поиск в создании систем автоматического оружия.

Слушая лейтенанта, мы как-то забыли даже и о своих ранениях. Его суждения, выводы были для нас своеобразным откровением. Мы все больше убеждались: он действительно знал много интересных и неожиданных вещей, этот спокойный, не очень разговорчивый десантник, которому в бою крепко покалечило бедро. Никто не слышал от него ни слова, ни жалобы на боль. А страдал он не меньше каждого из нас. В нашей палате все были с тяжелыми ранениями.

– Вы, наверное, знаете и о кузнеце Рощепее? – робко спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.